

общирное поприще драматической поэзии! Въ сие время окончилъ я (рѣчь идетъ о 1810 году) двѣ оперы *, написаны оригинальную оперу-водевиль въ 2 дѣйствіяхъ „Дровосекъ“, выстави въ оной дѣйствующими россійскія и малороссійскія лица; милая моя и въ семъ водевилѣ была образцомъ для главной роли Катерины, дочери дровосѣка. Сія опера отдана была мною въ цензурный комитетъ, но, къ несчастью, попалась медицинскому проф. Шумлянскому, уроженцу малороссійскому; ему не понравилось, что я выставилъ на сцену съ глупой стороны малороссійинна, а потому онъ и не одобрилъ ее къ напечатанію. Не унывая отъ сего, я сочинилъ небольшую комедію въ прозѣ — „Щебетуха“, началь большую трагедію въ прозѣ и во вкусѣ Шекспира, подъ названіемъ „Моющество природы и любви“; трагедія сей было написано уже полтора дѣйствія. Сочинилъ прологъ въ стихахъ: „Праздникъ Бахуса“, потомъ комедію въ 3 дѣйствіяхъ въ прозѣ: „Конфетчики“ или „Женитьба по парижской модѣ“. Сія послѣдняя была уже объявленна на Харьковскомъ театре, но, къ несчастью, для процензурированія попалась опять тому же профессору, а такъ какъ тамъ былъ осмысъ одинъ учѣній педагогъ, то господинъ профессоръ не восхитѣлъ, чтобы ее играли, не смотря на всѣ старанія спекулятивнаго директора бѣдной Харьковской труппы, и выѣхѣлъ съ тѣмъ на мою досаду. Послѣ сего директоръ бросился съ просьбами къ г. гражданскому Харьковскому губернатору Бахтину, чтобы позволилъ онъ представить моего „Конфетчика“. Г. губернаторъ взялся было самъ просмотрѣть комедію, но по флегматическому своему сложенію долго медлилъ и, наконецъ, затерялъ ее между кипами своихъ бумагъ... „Доселѣ удивлять меня, говоритъ въ заключеніе В. Масловичъ, когда я находилъ время на таковыя упражненія, будучи безпрестанно или на лекціяхъ, или за воротами, или въ церквяхъ, дабы глядѣть на мою могущественную фею!“...

„Милая“ и „Фея“, о которой здѣсь идетъ рѣчь, была хорошенькая сосѣдка влополучнаго драматурга, къ которой онъ питалъ нѣкоторое время страстную платоническую любовь **.

III.

Лѣтъ восемьдесятъ тому назадъ харьковцы еще не привыкли ни къ театру, ни къ университету, захолустные помѣщики съ одинаковымъ недовѣріемъ относились и къ профессорамъ, и къ актерамъ и, ни мало не стыдясь, называли тѣхъ и другихъ „бродагами“ ***. Неудивительно, что и занятіе литературую считалось въ ту пору весьма сомнительнымъ дѣломъ, въ которомъ „высокопоставленны“ лица признавались не совсѣмъ охотно.

Въ 1811 году Харьковскимъ „благороднымъ обществомъ“ былъ устроенъ спектакль въ пользу молодаго архитектора Алферова, путешествовавшаго (нерѣдко пѣшкомъ) по Италіи и Греціи для изученія классическихъ памятниковъ своего искусства. Въ этомъ спектаклѣ разыграна была драма въ пяти дѣйствіяхъ „Ревилъ“ того самаго губернатора И. И. Бахтина, о которомъ съ такимъ не-годованіемъ говоритъ В. Масловичъ. Кто-то написалъ по этому поводу корреспонденцію въ „Вѣстникъ Европы“. Бахтинъ, оскорбившись, что его, губернатора, называютъ авторомъ, немедленно послалъ въ редакцію письмо, въ которомъ объяснялъ, что хотя онъ дѣйствительно писалъ „Ревилъ“, но восемьдесятъ лѣтъ тому назадъ, когда еще не былъ губернаторомъ, „Желая меня похвалить, писалъ Бахтинъ издателю журнала, вы сдѣлали мнѣ большую непріятность. Ежели человѣка называютъ миролюбивымъ, безъ сомнѣнія, это весьма большая ему похвала. Но А. В. Суворовъ, сказываютъ, про одного генерала говорилъ: хороший генералъ! миролюбивый генералъ! Слова миролюбивыи и генералъ, соединенныя вмѣстѣ, были не похвалою, а критикою тому. Гу-

* Авторъ еще гимназистомъ написалъ „пастушескую оперу“, „пастораль“, „Аминту“ и „другую подобную“ „Дельфъ и Дельфида“ или „Увѣнчанная любовь“.

** Харьковскій Календарь-Альманахъ на 1888 годъ, составилъ и издалъ В. Носороговъ. Моя стихи, изъ автобиографіи харьковца (писано въ 1824 году), В. Масловича, стр. 71—72 и 77—78.

*** Роммель. Пять лѣтъ изъ истории Харьковского университета, 75—76 и 92.

бернаторъ и авторъ драмы, соединенныя, едва ли, по мнѣнію моему, не равносильны. Мнѣ могутъ возвратить, что Фридрихъ Великій издалъ цѣлые томы сочиненій своихъ, однако же правилъ не только губерніей, но и цѣлымъ государствомъ и предводительствовалъ арміями. Но кто увѣритъ меня, что онъ не правилъ бы еще лучше, ежели бы не сочиналъ? Кто поручится мнѣ, что какоенибудь хорошее мѣсто въ поэмѣ его „Искусство военное“, не стоитъ ему неудачи хотя одного сраженія? Въ объявленіи о сей драмѣ напечатано было, что я ее сочинилъ, но въ томъ же объявленіи было помѣщено, что драма сія была сочинена мною на-задъ тому 18 лѣтъ, следовательно объявленіе не дѣлало меня авторомъ и губернаторомъ въ одно время*. Подъ „объявленіемъ“ здѣсь разумѣется афиша. Въ заключеніе Бахтинъ просилъ напечатать его письмо. Издатель, исполнивъ его желаніе, прибавилъ отъ себя: „Въ печатномъ объявленіи дѣйст-вительно упомянуто, что драма сочинена передъ симъ за 18 лѣтъ. Я пропустилъ сіе обстоятельство и симъ признаюемъ послѣшую исправить свою ошибку?*.

Честь Бахтина была, такимъ обра-зомъ, совершенно восстановлена...

—И—

СИЛУЭТЫ МѢСТНОЙ ЖИЗНИ.

Безконечная поэма.

Октябрь суровый наступилъ
И Харьковъ онъ ошеломилъ:
Такъ сразу холодомъ пахнуло,
Такъ вѣтромъ сѣвернымъ подуло,
Что наши харьковцы опять,
Какъ въ лихорадкѣ, задрожали,
Цѣлью и шумъ выкупать
Въ ломбардъ скорѣе побѣжали,
А вмѣсто шубъ туда идетъ
Все платье лѣтнѣе для ссуды,
И вѣтъ береть и отдаѣтъ
Теперь ломбардъ нашъ денегъ груды...
Ахъ, вотъ въ такие холода
Здѣсь не вредно бы туда
Иль въ банкѣ какои-нибудь отѣ
Чтобъ тамъ погрѣть на руки!
А то вѣдь въ Харьковѣ родомъ
Холодныѣ вѣтъ вѣтеркомъ
И, хотя здѣсь солнце блещетъ ярко,
Но отъ него совсѣмъ не жарко,
Такъ отъ улыбокъ двѣ и дамы
Тепла бываетъ мало намъ...
Да! наши харьковцы вдохнули
Довольно тяжко въ октябрь:
Длѣсь холодъ, словно въ январѣ,
А пыль такая, какъ въ юлѣ...
И въ этой пыли мы найдемъ
Бактеріи и микробовъ массу,
Что пріобрѣтъ въ Харьковѣ моемъ
Принесутъ докторскому классу:
Онъ по Харькову летать,
Въ килища гражданъ проникая
И свой болѣзни-творческій ѣдѣ
По организму разливая...
Ихъ путешествіе у насъ
Большой массу порождаетъ
И обиженѣе каждыи часъ...
Большой здѣсь каждыи часъ...